

На новый год. Альманах

**В подарок читателям
Москвитянина**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н12

Н12 На новый год. Альманах: В подарок читателям Москвитянина / – М.: Книга по Требованию, 2022. – 253 с.

ISBN 978-5-518-07959-5

ISBN 978-5-518-07959-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ЗЛАТОЙ И БЪЛА.

ЧЕХСКАЯ СКАЗКА.

Волтава, Волтава! ключемъ зашпѣли,
Подъ бурей, твои сребропѣнныя воды!
Разгульные вѣтры гудятъ по ущельямъ;
По небу раскинулась черная туча,
Потоками взмыла, волной покатила
Съ вершинъ горъ зеленыхъ песокъ златоносный.

Ужъ полночь глубокая, черная полночь;
Сидитъ въ Вышеградѣ, въ теремной свѣтлицѣ,
Сидитъ у оконца Княгивя Любица;
Сорвала покровъ съ головы златотканной,
И сбросила съ плечь золоты одежды,
Сидитъ пригорюнясь, да смотритъ печально

Вдоль шумной Волтавы.

Кого жъ ждетъ Любица?

Не витязь ли смѣлый по берегу скачетъ,
А бѣлая перья надъ шлемомъ выютъ клубомъ?
Не другъ ли, любимецъ, плыветъ по Волтавѣ,
Подъ парусомъ бѣлымъ, весломъ пѣнить воду?

Да нѣтъ, то не перья, не парусъ лодейный;
То легкое облачко плавно несется,
Ширинкою вьется, струится, змѣится,
Кольшется вѣтромъ.

Все ближе и ближе;

А яркій лучъ мѣсяца темную тучу
Стрѣлой пронизалъ; и вдругъ, словно какъ
писанъ,

На облачкѣ ангельскій ликъ озарился.
И вотъ оно ближе и ближе къ оконцу;
И словно подъ легкимъ, прозрачнымъ покровомъ,
На немъ лебединая грудь взволновалась,
И будто двѣ ручки простерлись съ любовью
Къ Княгинѣ Любицѣ, обнять ея хочуть.

— « Дитя мое, Бѣла! скорѣе, скорѣе,
Ко мнѣ, къ материнскому нѣжному сердцу! »
Воскликнула съ радостнымъ чувствомъ Любица.
А вѣтеръ, откуда ни взялся, вдругъ дунулъ,

Отвѣялъ, унесъ облачко. — лишь слезинка
 Упала съ него на горячее лоно
 Княгини, в будто алмазь засіяла.

Волтава, Волтава!
 Взыграли твои сребропѣнныя воды,
 Громовыя тучи простерлись по небу;
 Да нѣтъ, то не воды Волтавы взыграли,
 Не громы гремятъ;
 То звонкія струны звучать про бывое;
 То голосъ серебряный льется струей!
 Подай, Боже, память на слово живое!
 Вотъ-то было время, да свѣлося свиткомъ,
 Водой утекло, волной ушлыло,
 Поднялось туманомъ, умчалось по вѣтру!

Ну, слушайте, братья, скажу я вамъ сказку,
 Скажу про Златоя; а вотъ-то былъ Княжичъ!
 Скажу про Княжну вамъ, прекрасную Бѣлу;
 А вотъ-то Княжна была, что твое чудо,
 И что твое диво!
 И жилъ — былъ, давно-ужь, Залѣскій Князь
 Влаславъ,
 Князь славный по подвигамъ, Князь знаменитый.
 И жилъ онъ во славу и честь всѣмъ владыкамъ:

Съ сосѣдами въ мирѣ, съ своими въ союзѣ,
 Съ Княгиней въ ладу и любовномъ совѣтѣ.
 И далъ имъ Богъ сына. Хорошъ родился:
 Душою отецъ, красотой—мать Княгиня.

Кудесница—баба его повивала,
 И въ злато повила, да счастьемъ дарила,
 Добра не жалѣла.

А на руки припалъ его вѣщій старецъ,
 Изъ знахарей знахарь, премудрый пустынный,
 И щедрой рукой одарилъ его смысломъ.

Ой—катитъ Волтава волну за волною,
 Въ студеное море;

Течеть день за днемъ, годъ за годомъ въ
 бездонье,

Въ бездонье, въ безбрежье:

Ростеть не по днямъ, по часамъ юный Княжичь,
 Что годъ то пустынный его навѣщаетъ.

— Не сынъ, благодать вамъ; — твердитъ онъ,
 лаская

И глядя дитя по кудрявой головкѣ.

Ростеть не по днямъ, по часамъ юный Кня-
 жичь.

Вотъ Княжичу третій годокъ уже минулъ,

А онъ какъ безъ ногъ. — Что за чудо такос?
— Не чудо, — спокойно отвѣтствуетъ старецъ, —
Придетъ на все время и часъ, ну, и встанетъ. —

Вотъ, семь лѣтъ настало; а все мало толку:
Сидитъ Княжичъ сиднемъ, не двинется съ
мѣста.

Горюють, печалятся Князь и Княгиня.

— Онъ вѣкъ просидитъ! — говорятъ они
старцу.

— Не вѣкъ просидитъ! — отвѣчаетъ пустын-
никъ.

Вотъ, Княжичу десять ужъ лѣтъ наступило;
Пора молодца ужъ сажать на коня бы;
Да ноги, какъ узелъ, — Охъ, горе! что дѣлать?
— Ну, узелъ, такъ узелъ, пускай будетъ узелъ:
На все придетъ время, придетъ, да развяжетъ.

Настало четырнадцать лѣтъ; а ни съ мѣста.
Сидитъ Княжичъ сиднемъ, въ саду на лужайкѣ,
Сидитъ да играетъ, какъ малый ребенокъ.
Вокругъ него старыя мамки, да няньки,
То мѣльницей тѣшатъ, конькомъ забавляютъ,
То строятъ корабликъ, то уточку въ зубы,
То спускать жужжалку, — а онъ-то хохочетъ;

Но вотъ пришло время и часть, пришелъ
старецъ.

—Ну, будетъ играть намъ, пора за науку!
Ступайте!—онъ молвилъ и мамкамъ и нявкамъ.
А ты, Княжичъ, слушай про мiръ Божiй
повѣсть.

И сѣлъ на индѣйскомъ коврѣ вѣщiй старецъ,
И началъ рассказывать чудныя вещи.

И слушалъ его со вниманiемъ Княжичъ,
И время въ рассказахъ текло незамѣтно.

— Ну, Княжичъ, что, какъ—по душѣ ли наука?

— Ужъ какъ по душѣ; ничего бы не дѣлалъ,
Тебя бы все слушаль! —

— Э, нѣтъ, сказка сказкой, а дѣло-то дѣломъ.

Да ладно, понятливъ, смышленъ ты, я вижу;

Теперь, другъ, давай-ко учиться мы счету.

Считай-ко: первóй, да другой, — до десятковъ,

Потомъ сороковъ, а потомъ до тьмы-тѣмъ.

Ну, ладно, ты, вижу, смышленъ, переничивъ.

Да это не счетъ, а пол-счета; а вотъ счетъ:

И съ словомъ онъ бросилъ горсть жемчугу
къверху.

— Считай-ко зерно по зерну на полетѣ. —

Къ чему не привыкнешь трудомъ да охотой!

—Ну, ладно, я вижу, ты смѣтливъ и зорекъ!
 Пойдемъ теперь дальше. Смотри да смѣкай же:
 Вотъ взвилась косаточка, кругъ очеркнула.
 Смѣкай: сколько взмаховъ крыла въ этомъ кругѣ?
 На эту науку потребно два года.—

Идетъ себѣ тихо, невидимо время,
 То въ гору, то подъ гору; вотъ и два года
 Минули. Взоръ Княжича такъ наметался,
 Считать на лету, что пустынный невольно,
 Воскликнулъ: ай, Княжичъ, смышленъ ты, я
 вижу!

Ну! что-то покажетъ намъ третья задача;
 А третья задача всему и удача.
 Вотъ видишь, толкачики въ воздухѣ выются,
 Шныряютъ, снуютъ, лебездятъ передъ глазомъ.
 Считай-ко, считай, да смѣкай, что ихъ тутотъ.
 Смотри не зѣвай, не моргни—обочтешься!—

Задача трудна, да добился, дошелъ онъ:
 Въ счету одного комара не пропустить.
 — Ну, ладно, — промолвилъ пустынный, —
 довольно

Сидѣть за наукой, вставай-ко, вставай другъ.
 Златомъ какъ будто бы что встрепенуло,
 Всѣ члены его напряглись, развязались;

Вскочилъ онъ и радостно бросился къ старцу,
 Потомъ къ отцу—матери, крѣпко ихъ обнялъ.
 Заплакали съ радости Князь и Княгиня,
 Не мнили, не чаяли счастья такого.

— Теперь,—сказалъ старецъ,—учите-ко сына,
 Борьбѣ да ристанью, потомъ поединкамъ;
 Да пусть погоняетъ въ охотку за звѣремъ.
 Богъ помочь!... Ну, Княжичъ, ты смѣтливъ и
 зѣрокъ,

Наказанъ всему и всему обученъ ты, —
 Примолвилъ пустынный питомцу Златою, —
 Найдешь свое счастье, голубчикъ, да вотъ что:
 Твое счастье, Княжичъ-касатикъ, въ залогъ.
 Полюбишь, искупишь—возмешь. Да припомни,
 Что сила не въ силѣ живетъ—въ доброй волѣ,
 А умъ не въ умѣ, а въ догадкѣ бываетъ.—
 Сказалъ вѣщій старецъ, вздохнулъ и простился.

Князь Влаславъ, на радости, выпилъ братину
 Шипучаго меду за здравіе сына,
 Года молодые, года удалые
 Припомнилъ, возсѣлъ на коня, вѣвился вихремъ,
 И самъ изучалъ сына строю и бою,
 Покуда набрался онъ силы могучей,
 И вышибъ отца изъ сѣдла.—Ну, довольно;

Теперь молодецъ молодцомъ, — сказалъ Вла-
славъ, —

Теперь можешь ѣхать, да воли извѣдать,
Да сердце потѣшить, оружье помѣрять
За дѣвицъ-красавицъ, Княженъ и Царевенъ.

И принялъ Златой отъ родителей память —
Завѣтное слово на путь, и поѣхалъ
На первую пору въ поморскую землю
Хвалу и обѣты воздать вѣкожизненнымъ.

Вотъ ѣдетъ горами, долами да лѣсомъ,
Занимъ скачетъ Маврень, приспѣшникъ илядка.
Ему ли пустить безъ себя въ чужь питомца:
— Ужъ гдѣ молодому такъ звать свое дѣло,
Какъ мнѣ старику, — молвилъ онъ, пріосамясь, —
И кто кромѣ Мавреня правдой послужить,
Кто сказкой потѣшить, поможетъ совѣтомъ?

Вотъ, солнце склонилось за темные боры;
Гробовыя тѣни тянулись-тянулись
И слились въ пучину, и все, что глазъ видѣлъ,
Какъ будто утопло.
Верхи горъ померкли; одна лишь въ потемкахъ,
Какъ будто свѣтецъ, загорѣлась за лѣсомъ.
— Смотри, Маврень, что это?

— Эге, то Сobotка-гора, — молвилъ Маврень, —

А мы на вес такъ и прсмъ какъ слѣпые!

— Такъ что жъ за бѣда?

— А та и бѣда, что сворачивать надо:

Не путь, не дорога въ подземное царство;

Вотъ этой долиной, какъ разъ и въ трущобу.

— Да что-жъ тамъ?

— А кто жъ ее знаетъ, кто вѣдаетъ чтò тамъ?

Попастъ-то туда попадешь, да и сгинешь;

Зашельцы-то есть на тотъ свѣтъ, а не слышно

Про выходцевъ что-то; а страсти какія!

Разказы идутъ, что тамъ ужасы: волосъ

Становится дыбомъ, когда поразкажутъ.

Къ горѣ той на шабашъ слетаются вѣдьмы;

Слетятся, начнутъ вокругъ огня хороводы;

А къ нимъ на позорище, съ кладбищъ, съ

погостовъ,

Въ гробахъ мертвецы, словно въ лодкахъ, и

бѣдутъ.

А бѣсовы дѣти юлой такъ и шлюють.

И видѣть все видно, вотъ-такъ все и ходитъ,

А слушай хоть въ оба — шумка не прослы-

шишь....

— Смотри, Маврень, кажется, будто дымокъ

тамъ?